

Лидия Девушкина-Соммэ

Франция-Россия
Туда и обратно

Вечное движение

Буквально

Лидия Девушкина-Соммэ

**Франция-Россия. Туда и
обратно. Вечное движение**

«СУПЕР Издательство»

2019

Девушкина-Соммэ Л.

Франция-Россия. Туда и обратно. Вечное движение /
Л. Девушкина-Соммэ — «СУПЕР Издательство», 2019

ISBN 978-5-907087-71-2

Книга состоит из четырех новелл, написанных русской писательницей Лидией Девушкиной-Соммэ, проживающей во Франции. Они касаются жизни русских эмигрантов во Франции в сопоставлении с жизнью их соотечественников, а также в сопоставлении жизни эмигрантов с их прежней, российской жизнью. Ведь эмиграция – это всегда уход и возврат, ментальный или физический.

ISBN 978-5-907087-71-2

© Девушкина-Соммэ Л., 2019
© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Рассказы под стук колес	5
I) Неделя русской книги. Далеко от Парижа	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лидия Девушкина-Соммэ

Франция-Россия. Туда и обратно. Вечное движение

Рассказы под стук колес

«Пока Мишаня все это рассказывал под стук колес Ольге Васильне»...

Вся новеллистика Лидии Девушкиной-Соммэ написана словно под звук колес, в пути, неторопливо. Едут люди в одном купе, совершенно незнакомые. Начинается разговор. И все. Случайные соседи становятся ближе.

Похожее получилось и у меня самой. Я не так давно познакомилась с творчеством писательницы, но кажется, что это рассказывает мне одной моя близкая подруга. А я очень ценю умение писать так, словно это делается для одного единственного читателя, именно для меня. Наверное – это и есть мастерство рассказчика.

Далеко от центра, т. е. от Парижа (глубинка и во Франции – глубинка) живет Ольга Васильна. Она замужняя одинокая женщина (и во Франции бывают такие). И чтобы сбежать от одиночества, она ведет активную жизнь. Общается с земляками, возглавляет русский литературный клуб.

Герои Лидии не оторваны от действительности. У окружающих свои проблемы. Кто-то удачно вышел замуж. Кого-то подозревают в сотрудничестве со спецслужбами. Люди живут в реальном мире. Пишут книги, ездят по Европе, пиаря свою священную особу. Каждый герой не похож на остальных, его образ четко прорисован, и за ним угадывается прототип.

Передо мной люди. Их судьбы. Их не так уж много. Но и у главной героини не так уж много знакомых. А судьбы яркие и запоминающиеся.

Молодой человек Мишаня: сложные отношения в семье. Сложный характер юноши. Тянется к главной героине, подсознательно угадывая в ней женщину-мать.

Русская женщина Марина и ее каталонец-муж Мишенька. Ее жизнь. И испытание страшной болезнью.

Следующий рассказ, вернее серия рассказов, связана одним сюжетом и продолжает собой первый, уже осмысленный мною. Читаю, словно переписку со своей старой подругой.

Вот героиня в гостях у земляка, тоже эмигранта. Они празднуют и во Франции день Победы (сколько информации – сразу и вроде бы, между делом, штрихами). Люди на вечеринке. Люди в литклубе. И опять мелочи и детали. Взаимоотношения русских и французов. Театральная постановка в русском литклубе, и девушки в красных галстуках. Выступление героини в платье, которое она нашла на своем балконе. Это ли не детали, те самые штришки, которые делают полотно живым и объемным.

И вот героиня в Москве. В надежде найти своего издателя. А встречает старичка-писателя. У нее карма такая – попадать в различные истории. Вот и сейчас доверчивая женщина приняла приглашение, а как же, мастер пообещал дать свою книгу с автографом. И опять всё жизненно настолько, что мороз по коже. Словно там я или моя лучшая подруга. Сочувствие. Обсуждение. И слушаешь, и киваешь, затаив дыхание.

Рита, героиня рассказа «Тяжелая наследственность», – не вписывается в общий фон. И сам рассказ о ней стоит особняком. Хотя он, по моему мнению, самый значимый в сборнике. Очень психологически точное повествование о жизни и о любви. Любовь переплетена с жизнью, она целиком зависит от быта, как писали в начале прошлого века. И написан рассказ немного в другом стиле: меньше внешнего, больше чувств.

Вообще о стиле Лидии Девушкиной-Соммэ нужно поговорить отдельно. Ритм задушевного неторопливого рассказа достигается особым построением предложений, их длиной и минимальным количеством сказуемых. В этом и есть секрет простоты общения с читателем. Но в целом же присутствует модный сейчас среди современных литераторов и так не любимый крупными издательствами микст. Сюжетная линия у Лидии – это нить, на которую нанизаны бусинки историй, вплетенных в общую канву. Такой современный узор из бисера, картина в стиле арт-модерна.

Произведения Лидии не для всех. Это скорее женское чтиво. Мужчины их тоже читают (знаю), но чтобы лучше понять своих любимых. Женщины же, особенно оторванные от трудового коллектива – по разным причинам оторванные, но нуждающиеся в задушевной беседе, – это та читательская аудитория, которая целиком и полностью принадлежит писательнице.

*Татьяна Рубцова,
пресс-менеджер интернет-портала
«Литературная Галактика»*

I) Неделя русской книги. Далеко от Парижа

*«Жизнь чаще похожа на роман,
чем наши романы на жизнь».*

Жорж Санд

В уездный французский город В* * * на ежегодную ярмарку книг впервые за всю его историю пригласили русских писателей, да не одного, а то ли восемь, то ли все десять. Примерно на неделю. Неужели, правда, на неделю? У французов свои представления о времени. Неделя у них буквально называется «восемь дней», а две недели почему-то «пятнадцать». Так что точнее, типа официально, это было обозначено как дни: с 29 мая по 2 июня. Совпадает с тем временем, которое называется «пора прелестных облаков». Так его именовал в своих произведениях некто Иван Алексеевич Бунин, иногда обитавший тоже на юге Франции, но уже давно. И не у себя дома, а на съемной даче. Потом эту съемную дачу выкупила некая парижская ассоциация, состоящая из одних французов, чтобы создать в ней музей Бунина. А местных русских эта дача вообще не интересовала, даже тех, кто ходил в литературный клуб. Местные русские решили подождать, когда этот музей откроют.

Все-таки не ближний свет туда ехать – километров 400 от В* * *. Даже если музей наконец откроют. Одного бензина сколько уйдет! Можно бы, конечно, пойти с шапкой по кругу и скинуться на бензин и даже на входной билет на эту дачу, но исторически эта форма материальной поддержки во Франции как-то так не привилась, то есть, знаете ли, собирать деньги на русских писателей, да еще в их отсутствие... Даже на очень знаменитых. Например, на Надежду Тэффи русские тоже хотели в свое время скинуться, и не где-нибудь, а в богатой Америке. Пока она во Франции страдала от безденежья и болезней. И собрали – несколько центов. Правда, дело было во Вторую мировую войну. Что русских не оправдывает, но немножко извиняет.

Коли уж зашел разговор о сложном отношении французов к своим деньгам и своему времени, то надо отметить, что французы – это вообще-то не немцы. Ты французу, допустим, назначил randevu у фонтана «Три звезды» на 16.00. А он придет только через час и обязательно к ресторану «Пять звезд», который находится не в центре В* * *, а совсем далеко, 7 остановок на трамвае. Поэтому русские, даже очень деловые, на французской земле тоже начинают опаздывать. Особенно когда выяснят, что «5 звезд» – это все-таки очень дорого.

На главной площади В* * *, как раз напротив вот этого живописного и премиленного фонтана «Три звезды», загодя раскидывались многочисленные разнокалиберные шатры, где размещались книги разных авторов из разных стран. То есть была отработана на века (если книги будут существовать века – дай-то Бог) вот такая схема. Авторы сидели тут же, при книжках, будто бы с отсутствующим, незаинтересованным видом, иногда робко оглядываясь по сторонам, словно бы кого-то высматривая. И вот в этот, 2007 г., главной приглашенной страной была Россия. Русским писателям была предоставлена зеленая улица, особые места для встреч с читателями: концертные залы, кафе, летние эстрады. Французский читатель дружно хороводился на этих встречах, придирчиво разглядывая лица и фигуры гостей и задавая через переводчиков наводящие вопросы. Приглашены были писатели, по многу раз переведенные на французский, но вроде бы только один из них – Сырцов – свободно говорил на французском и даже его понимал. Французы любят русский акцент, французов вообще подсознательно влечет к русским и наоборот, хотя всегда отношения были сложными. Один Наполеон чего стоит! Но ведь были же и есть, и будут дальше развиваться, эти отношения, даже супружеские!

В одном из таких залов должны были заранее встретиться три давних закадычных друга. Все трое были русскими. Давние по эмигрантским понятиям друзья – это те, которые продружили уже несколько месяцев и ни разу не поссорились и не повздорили между собой. Что было

здесь крайне редко. Недаром писала та же Надежда Тэффи в 19-забытом году: русские живут во Франции, как собаки на Сене.

Первым должен был прибыть Мишаня из своего отдаленного за 100 с лишним километров маленького городка N* * *, где он в качестве соискателя политического убежища жил почти что за решеткой, в лагере для беженцев. Окружающие его там русскоязычные беженцы были почти сплошь беженцы-изиды из Армении, малопонятный ему народ, с очень плохим русским, состоящий из многопоколенных семей, снующий днем и ночью якобы по важным делам. Некоторые сновали даже до Испании и обратно, спекулируя сигаретами, что было запрещено. Впрочем, как понял Мишаня, запреты играли чисто техническую роль. Кроме этих мелких проржавленных гаечек-запретов, вообще всюду крутились какие-то более мощные и не столь очевидные социальные механизмы.

Мишане 25 лет. Переходный возраст. Серо-зеленые глаза еще ярко блестят и смотрят на окружающий мир с восторгом, предвкушая счастье в труде и успехи в личной жизни скоро и сразу, вон за тем поворотом, но через минуту те же глаза могут закосить мрачно и настороженно, ожидая подвоха и неприятностей от любой страны, будь то родная Россия, Франция, и вообще, иди далее по карте в любом направлении.

Тем более Мишаня был вундеркиндом, в 15 лет окончил российскую школу с медалью, после чего получил еще два российских вузовских диплома, кстати, с отличием. А у вундеркиндов жизнь еще более неровная, после горячих восторгов окружающих на голову капает ледяной душ. Ну не могут люди долго восхищаться кем бы то ни было, даже вундеркиндами!

Следующей прибывающей фигурой должна была бы стать Ольга Васильна, пышнотелая блондинка 46 лет, красивая нетривиальной поздней красотой. Она сама была не чужда литературе: организовала на местном человеческом материале литературный клуб, писала стихи, но вслух читать их не могла: при декламации запинаясь на каждом слове, а куда их послать для печати, не знала, мысленно аттестуя себя отсталым элементом. Кроме того, она писала еще маленькие пьесы, но решалась их показать только одному писателю в Москве – старому и вкопец спившемуся. По имени Мефодий Борисыч. Писатель приглашал ее к себе домой каждое лето, когда она была проездом в Москве, и даже на дачу под Калугой – свое родовое имение – на самом деле крошечную избушку-развалюху на берегу очень красивой речки, где любили размещать свои удочки и лыжи внуки Борисыча. Последний постоянно обещал «протолкнуть» ее вещи в Москве и взамен просил ее сделать то же самое с его творениями во Франции, но предварительно их переведя на французский. Потом старик виртуально исчезал на целый год, потому что не мог пользоваться электронкой – он был почти слепой. А звонить ему Ольга не могла. Он плохо слышал, но дело даже не в этом. Ольгин муж Алексей Олегович Кручинин обычно никуда ее не пускает, велит сидеть дома, а не светиться по тусовкам. Любые встречи людей, даже в церкви на службе, Алик презрительно называет тусовками. Но сегодня ему вдруг надумалось поехать в близлежащий город A* * * на конференцию. «Знаем мы эти конференции», – смекнула Ольга. В глубине души она подозревала своего Алика в изменах, но боялась даже об этом и думать, тем более отец Василиу из румынской церкви, нынешний ее духовник, с амвона запрещал своим прихожанам всякие подозрения как основу для последующего злословия. А к процессу злословия и вражды Ольга потеряла интерес. «Буду злиться – заболею сразу же», – рассуждала наша героиня. А заболев, она не справится с домашними обязанностями, а в России – еще и с профессиональными (правда, их уже проехали). Домочадцы были сложны, мелко деспотичны, требовательны, а профессиональные обязанности вообще в идеале должны совершаться в условиях постоянного сосредоточения. Перед французским ПМЖ Ольга работала бухгалтером в маленькой фирмочке и по совместительству читала курс бухучета в частном томском вузе. Но теперь об этом, наверное, стоило уже забыть, или на всякий случай все-таки помнить?

Третьим прибывающим должна была стать Марина – стройно-высокая, с интересной бледностью тоже весьма привлекательная, но еще довольно молодая женщина 36 лет, ожидающая ребенка. Ее муж – каталонец Мануэль, видом пухлый добродушный медвежонок, мог прибыть вместе с ней, а мог и не прибыть. Русский он начал изучать совсем недавно и русских немного робел. Особенно его смущали их бесконечные шуточки и приколы, непонятные ему. От них он уставал, ему казалось, что слегка издеваются над ним, пусть и невинно. С Мариной он говорил по-испански. Оба раньше работали на виноградных плантациях под Барселоной, где и познакомились. Марина тогда работала и жила нелегально. Она прибыла с Украины, окончив Харьковский институт искусств, факультет искусствоведения, и поработав на Украине художником-оформителем. В свободное от винограда время она пела в греко-православной церкви Барселоны, даже одно время была там регентом, а также рисовала маслом и гуашью, «чтобы рука не забыла». Потом они даже немного рисовали вместе с Мануэлем портреты на Рамбле, но там все было поделено, и рэкетеры снимали с них стружки, как, смеясь, рассказывала Марина. Она всегда была ровна в обращении, приветлива, слегка смешлива, хотя иногда строга, по-тихому авторитарна и слегка придиричива. «Как все украинки», – говорила она. На свадьбе в порядке живой очереди украинские соотечественники и особенно соотечественницы серьезно, хоть и шепотом, предупреждали Мануэля, поднося к его носу сжатый кулак или грозя ему пальцем: «Украинская жена – это во!»

Прожив в Барселоне немало лет, супруги зачали долгожданного ребенка – *in vitro*. И предпочли приехать на ПМЖ к Мануэлевым родителям в В* * *. Там его сразу поставили на учет по безработице, стали платить пособие и даже послали на двухгодичные курсы коммерции. А сейчас ему предстояло сдавать экзамены сразу за 2 года. Коммерцию он не понимал и не любил, особенно бухучет. Он, как и Марина, тоже закончил институт искусств, но во Франции, и с работой по специальности ему не везло. Безработица Франции даже и в те – докризисные времена – была хорошо известна миру. А рисовать прохожим портреты за деньги? Да здесь, во Франции, этим ничего не заработаешь.

Супруги были веселы, дружелюбны, гостеприимны, что было несколько нетипично. Мишаня вторую ночь должен был ночевать у них, а предыдущую, еще до пресс-конференции писателей, собирался провести у Ольги Васильны. Ольга Васильна хотела познакомить Мишаню со своей младшей дочкой Катюшей, 17 лет.

«Пусть выйдет за него замуж, даже пусть так рано, – наивно рассуждала про себя Ольга Васильна. – Вообще русские должны жениться на русских. Педиатры не в восторге от этих детей – «половинок», полуфранцузов-полурусских. У таких детей более ранимая психика. Они более возбудимы. У них хуже иммунитет. А тут готовый русский парень, очень неглупый. Чего нельзя еще пока сказать о Катюше. В ней видится жесткая поверхностность всех суждений, взгляд на других, особенно на маму, как на слуг своих, лень по дому и по учению. Она – это папочка родимый без его гениальности. Может быть, такую юную особу умница Мишаня будет мягко корректировать. Если они родят (никаких аборт, кстати, – это абсолютно исключается!), я буду нянчить малыша, все будут думать, что я его мама. Это лучше, чем бесконечные пробы пера – переборка и ощупывание, как на базаре, мальчиков, глотание контрацептивов, бросания – расставания, чужие постели, не дай Бог покушения на самоубийство...». Правильно выразилась Валерия Новодворская в каком-то интервью: «Секс – это скучно. Я читала». Умная женщина, недаром партию возглавила, только какую, не помню. Зрит в корень, – мысленно похвалила ее Ольга. И рожать вообще лучше пораньше, не в 36 лет и не пробирочного ребенка, как некоторые. Хотя теперь это сплошь и рядом. Мишаня прибыл в В* * * с вечера, с поезда ринулся на трамвай и на пороге нежно и радостно расцеловал Ольгу Васильну в обе щеки. Коварная Катюша загодя укатила на трамвае домой к подружке Вике с целью ее поддержать: у той мама не ночует дома, ухаживает за каким-то стариком-сердечником, по очереди с кем-то держит его всю ночь за руку. Старик боится умереть во сне, особенно в жару. А почему-

де никто за Вику не волнуется, ведь она ночью тоже одна, без мамы? Ладно, время еще есть, не будем форсировать события, успокаивает себя Ольга Васильна, да мне самой интересно понять, что за птица сей Мишаня, каков он вообще.

– Дорогой Миша, меня волнует один вопрос, – ловко и быстро подкладывая в тарелку Мишане домашние разносолы, певучим голосом рассуждает Ольга Васильна. Голос ее вновь стал нежным и незаикающимся, как в юности: она стала ходить на русский хор благодаря Марине.

А Марина с удовольствием руководит хором. В нем всего-то пять человек. Из них четыре француза. – Хорошо, что я нашла в вашем лице еще и русского врача. Мне бы по-русски поговорить хоть с каким-либо врачом.

– Да какой я, в самом деле, врач! Я по медицине только-только в аспирантуре стал учиться... И, поди же ты, ввязался в эту легкомысленную авантюру с переездом во Францию. Потрясающее, непростительное юношество. Инфантилизм.

– Вы на эту тему скоро все разложите в своем сознании, Мишаня! Не торопитесь пока! – Ольга Васильна, как могла, успокаивала Мишаню. Она не считала себя вправе судить его, хотя в ее среде с политбеженцами предпочитали не зняться. – В данном случае это вообще неважно. Вас же учили психиатрии. Мне кажется, у Катюши маниакально-депрессивный синдром. Посмотрите, она же не владеет темпом речи, глотает слова. Это первый признак. – Ольга Васильна неделю назад подговорила Мишаню прийти на урок в русскую школу, куда ходили Катюша и Вика, и послушать Катю.

– Владеет-владеет! Она у вас хорошо говорит.

Таков был вердикт Мишани. Катюша тогда практически не замечала Мишаню, а лишь болтала весь урок с Викой.

Мишаня скромно откусал всего и даже стал убирать со стола и мыть посуду. Ольга Васильна для разрядки попросила Мишаню прощупать их крольчиху-карлика. Контакт с Викиным мини-кроликом (с целью потомства) произошел уже 25 дней назад, теперь крольчиха стала усиленно вить гнездо из подручных материалов, даже обдирала с самой себя пух, но животик был по-прежнему плоский. Мишаня ловкими руками врача быстро, без излишних церемоний, общупал крольчиху, перекачивая маленький шарик внутри ее животика.

– Возможно, у нее только один фетус. Так бывает. Кажется, вот он. Voila. Все-таки это искусственно выведенная порода. У моих крыс-альбиносов дома тоже иногда было по одному крысенку. Хотя крысы-то в общем случае размножаются ой-ой-ой как!

На короткое время оставив Ольгу Васильну в покое и предоставив ей похлопотать по дому, Мишаня глубоко погрузился в изучение книжного шкафа.

* * *

В 1981 г. в СССР прошла всесоюзная премьера фильма «Асса». В преддверии Первомайских праздников дружный коллектив неврологического отделения Томской горбольницы № 3 решил сходить в культпоход на вечерний сеанс в летний кинотеатр «Родина», уже начавший функционировать в связи с необычной жарой. Сначала познакомились с первой серией. «Вы похожи на Татьяну Друбич и тоже Татьяна», – довольно быстро оценил обстановку этот почти на 100 % молодежный коллектив, поедая в перерыве пончики с повидлом и приглядываясь к молоденькой медсестре Танюше. А откровенно за ней ухаживали сразу двое: подающая надежды звезда неврологии Вадим Коробкин, любитель абстрактных или, напротив, двусмысленных, не вполне приличных анекдотов, едко-насмешливый, эрудированный, невероятно нервный, занятый долгим изнурительным разводом со своей женой, и тоже Вадим, но Бирюков, студент вечернего мединститута, медбратишка, как его шутя прозвали, высокий,

томно-меланхоличный медлительный юноша, всегда словно погруженный в тревожные предчувствия, иногда вселенского масштаба.

Потом, уже непосредственно перед второй серией, когда прозвенел третий звонок, парни-соперники снова сбегали в буфет, но там уже ничего не было, а в фургончике напротив продавалось только мороженое крем-брюле, очень любимое томскими синефилами, с заслуженным знаком качества. Каждый из них торопливо купил Тане по одному стаканчику мороженого. Глядя на слегка колеблемый ветром простынный экран, Таня слышала, кроме коронных песен фильма, кроме Гребенщикова и Цоя, еще почему-то как бы параллельно песню «Уральская рябинушка». Может быть, потому что неподалеку располагалась танцплощадка с баяном. Она сидела между двумя парнями, явно сходящими по ней с ума: «Справа кудри токаря, слева кузнеца»... Кудри были у Бирюкова, он вообще был довольно видный, хоть и скромный парень. Таня тоже была скромная девушка. С ней ничего такого раньше не было.

Она часто будет вспоминать этот вечер. В течение более чем 20 лет. Вольно или невольно. Будут сменяться генсеки, которые тоже хотели перемен. Или не хотели? Некоторые точно не хотели, и неизвестно, кто был прав. Не трогайте систему, предупреждали там на самой верхотуре. Или предупреждали саму верхотуру откуда-то снизу и сбоку. Будут сменяться даже президенты... Изменятся название и границы страны... Один президент, через многие года, вдруг по ТВ неожиданно для Тани скажет, что «Уральская рябинушка» – его самая любимая песня.

Когда наконец завершился длинный политический киножурнал перед второй серией, Вадим Коробкин громко подвел итоги первой серии: «Классный фильм! Уровень где-то в районе «Вишневого сада» Чехова. Тоже обнадеживает. Вот поверьте, братцы: у нас у всех скоро будет счастливое будущее». Татьяна Друбич продолжала сидеть в кабинке фуникулера, Гребенщиков продолжал петь про город золотой.

– Ну, тихо вы там, не мешайте смотреть. Счастливого будущее, не надо смеяться, – одернули с заднего ряда.

А того, кто одергивал, тоже стали одергивать.

– Будет будущее, – словно отражая провокацию, прошептал Вадик Бирюков. – Тавтологию. Хочу сказать другое. Танюша, вы не случайно похожи на Татьяну Друбич. Может быть, из всех нас троих именно и только вас ждет счастливое будущее. Татьяна Друбич не в актрисы сначала пошла, а в медицину. – Он робко, но жадно, посмотрел ей почему-то в переносицу. – Но я не обязательно здесь подразумеваю кино. Может быть, вы будете счастливы сугубо в личной жизни, для женщины это первостепенно. В законном браке. С каким-нибудь тоже медиком. – Продолжая глядеть на Танину переносицу почему-то с болью, он словно хотел отгадать ее будущее: орел или решка? Законный брак мог обеспечить только он. – В личной жизни счастье важнее, – продолжал он вслух рассуждать немного по-школьному, словно на уроке. И в то же время, словно слегка забывшись, как это делают маленькие, но уже хорошо говорящие дети. – В общественной жизни счастливым быть очень трудно. Потому что это – борьба и поедание кого-то. Сегодня ты, а завтра я.

– Какие отсталые взгляды! – опять громко возразил Вадим Коробкин. – Напротив же, все личное быстро осыпается, Герцен правильно писал.

Несколько растерянные, даже слегка ошалевшие, коллеги расходились маленькими группками после позднего ночного сеанса. Но по аллее парка все шли одной колонной, как на демонстрации, которая еще всем предстояла назавтра. Слегка посвежелое, но уже по-летнему пахло сырой землей и какими-то сладковатыми листочками, усыпанными росой. Хорошо-то как! Вадим Бирюков молча мерил свои шаги в такт Таниным. Перед распадом колонны по разным улицам Вадим Коробкин решил опять овладеть общественным мнением.

– «Мы ждем перемен»! Прекрасная песня. Виктор Цой! Как смело. У нас и правда скоро будут перемены. Во всей стране, а не только у Танюшки. Будет настоящая общественная жизнь, а не мещанское личное счастье. Мы еще увидим небо в алмазах.

Народ секунду потоптался на месте и, не прощаясь, продолжил путь кому куда следовало.

– К власти придут сильные коммунистические лидеры! – горячим шепотом стал выкликать новые лозунги Вадим Коробкин, адресуя их аудитории из двух человек. – Не чета этим старперам и некрофилам.

– Как ты сказал? Старперы я, допустим, понял, хотя это грубо. Среди нас есть девушки. А что такое некрофилы? – сделал стройную стойку Вадим Бирюков.

– Нельзя и слова сказать. Ты стукач что ли? – озираясь по сторонам, прошептал Вадим Коробкин.

– Сам ты стукач, – степенно, неторопливо отреагировал второй Вадим. – Провокатор. Вызываешь на откровенность – приемчик, известный всему миру.

– Мальчики, не ссорьтесь! – хлопнула Таня по руке Вадима Бирюкова. – Вадик, уймись. – Таня для простоты звала его Вадик, а того, Коробкина, – Вадимчик. Последний был откровенно мал ростом.

– Что ты сказал? Ну-ка, повтори, – наступал Вадимчик. Внезапно он решил придать разговору иное русло:

– Таня, пойдем, я тебя провожу. Этот чувак откровенно опасен. Все истосковались по переменам, все буквально страдают перемен, а этот чувак – как премудрый пескарь. Не иначе он из КГБ. Пошли. Нам с такими товарищами не по пути.

– Да, держи вора, – огрызнулся Вадик.

– Мы ждем перемен! – повысил голос, почти пропел Вадимчик.

– Имеются в виду школьные перемены. Разве не видно из контекста песни? Этот чувак – Виктор Цой – вовсе не антисоветчик. Ты ему не клей лишнего.

– Мы ждем перемен, – на полтона ниже пропел фальшиво-угрожающе Вадимчик. И властно схватил Таню чуть выше запястья.

«Сейчас подерутся, – с испуганной истомой подумала Таня. – Из-за меня. А какой-то Переведенцев все пишет, что женихов в стране нет. Во всех газетах пишет. Говорят, на гоночары уже кооперативную квартиру построил. Ни у кого женихов нет, а у меня будут сразу два... Иметь выбор для такого дела – это очень важно. Хотя замуж не так и хочется, боязно все-таки, вдруг неприятности пойдут, ссориться-драться начнем или мне здоровье не позволит...»

– Перемен! Это вам не бухты-барахты. В такой большой и уставшей от войны стране – перемены! – продолжал бороться за свое Вадик, обреченно глядя в переносицу Тане. – Перемены должны вводиться в плановом порядке. А то выйдет мировой пожар. И после драки будем махать кулаками. Размечтался... перемены...

– Да ладно тебе, Илья – пророк, – держа Таню за руку и делая ей сильными пальцами врача все большее и большее, опять раздраженно возразил Вадиму Вадимчик. – Надоело эту шарманку слушать. Пошли, я хочу тебя со страшной силой, – уже шепотом на ушко Тане.

Полубезумным взглядом Вадик проводил свежеиспеченную сладкую пару глазами. Он был бессилён «сделать лицо». Это потом настала эпоха менеджеров, которые выучились имиджологии. И которые знали, какое где делать лицо. Но были ли когда-нибудь влюблены эти менеджеры по-настоящему? Вместо любви свальный секс, прагматизм, имидж, депрессия, офисная мебель, платные услуги по прейскуранту и вне его... И Вадик не дожил до такой эпохи. Он с горя попросился на афганский фронт медбратом и погиб после 10 месяцев службы на обратном пути в самолете, еще не долетевшем до границы.

Честно говоря, Тане нравились оба, может быть, Вадик даже больше, и она навсегда запомнила это выражение – «в плановом порядке».

Через 9 месяцев, но в неплановом порядке, родился Мишаня Коробкин.

Общественность нервного отделения, узрев и поняв, что Таня беременна конкретно от Вадимчика, не стала вмешиваться в процесс, тогда доля матерей-одиночек достигла по стране рекордных уровней. Общественность даже в лице профкома заняла выжидательную позицию,

собирая деньги на приданое и на коляску. Деньги давали охотно. Вадимчик целыми днями в своем кабинете мурлыкал Цоя, особенно куплет из его новой песни:

«Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда
Зовет меня в путь».

Коллеги через Вадимчикову медсестру тетю Иру просили передать, чтобы он вообще не пел, мол, достал уже своим фальшивым голосом. И что Цоя не мурлычут, а скандируют. Тетя Ира смущенно разводила руками: «Ну и чо теперь прикажете мне делать? Может быть, ему на душе плохо, пусть поет».

Еще через несколько месяцев на другом конце города, рядом с крыльцом роддома зара-нее выстроилось почти все неврологическое отделение. Сам Вадимчик, держащий 2 торта для медперсонала, возглавлял процессию. Остальной народ держал коляску, голубенький конверт, корзины с распашонками и пеленками, букеты цветов. Кто-то даже проверял звучание флейты. За 4 года до рождения Мишани Таня осиротела. Это обстоятельство суду было прекрасно известно, но не помешало отцу ребенка после вручения означенных тортов надолго исчезнуть. Кстати, без алиментов, как строго заметила Танина школьная подружка Римма, учившаяся на юридическом заочно и помогавшая Тане вынашивать и потом нянчить Мишаню. Вадик с Афгана прислал коротенькое письмо-поздравление в спецконверте без обратного адреса с обещанием скоро приехать. «Не учите меня жить, помогите материально», – добавлял он шутя, рисуя экран летнего кинотеатра с надписью поперек «Бриллиантовая рука». И еще: «Я тебе помогу материально. А некоторых надо оставить наедине с собственной совестью».

Таню это событие потрясло больше всего после рождения ребенка и даже отвлекло от личных страданий. Именно событие: письмо шло-гуляло по миру несколько недель, видимо, проверялось цензурой, может быть, не раз и не два, аккуратно склеивалось-расклеивалось, жило собственной жизнью и давало Тане мудрые советы и обещание поддержки, а человека – автора письма, уже не было, он погиб, притом неизвестно как. И похоронен неизвестно где, может быть, даже не в братской могиле. Хотя его мама сказала, что в братской, ей даже выдали номер захоронения. И еще она передала Танюше круглую сумму денег в конверте, добавив, что это воля Вадика.

Через два года оставшегося в этом смысле наедине отца Мишани действительно заела совесть. Блестяще защитившись на научном совете в Москве, рекомендовавшем его кандидатскую вскоре переделать в докторскую, Вадимчик появился перед Таней и малышом и почти клятвенно обещал, что будет как-то помогать, но строго секретно, потому что жена тоже родила и они снова отложили развод.

* * *

– Миша, а у вас есть братья или сестры? – Ольга Васильна звала Мишаню то на ты, то на вы. Как человек тревожный, она многого опасалась в случае сплошного «тыканья». Впрочем, на вы тоже не всегда хорошо обращаться к таким необстрелянным воробьям. А сочетать вы и ты – это вообще моветон. Ну, так известны две формы мирного насилия: закон и этикет, как сказал, кажется, Гете. Но никакому насилию Ольга не поддавалась. Смахнув крошки со стола (она никогда не могла делать это красиво), она стала стелить Мишане диван. Ей казалось, что и диван она застилает некрасиво, и всегда стеснялась, когда на нее в эти моменты смотрели. Мишаня смотрел на нее очарованными глазами, словно не замечая ее неуклюжести. Подроб-

ности своего рождения он, возможно, не знал, Ольга Васильна же не знала пока абсолютно ничего из истории его пренатального периода.

– Да, у папы есть дочь от первого брака, не от моей мамы, потом он еще раз женился, но уже на другой женщине, не на маме, короче, в этом браке было двое детей – сын и дочь.

– Почему вы говорите «было»?

– Дочь умерла от передозировки чего-то. Я не могу даже об этом говорить, – глаза у Миши стали еще более влажные. – Человеческие страдания меня дезориентируют... Поэтому я пока не могу стать врачом. Пока...

– Извините. Не будем трогать больные места. Значит, сколько все-таки у вашего папы детей и сколько было жен?

Перепись населения Франции прошла совсем недавно, и Ольга Васильна помнила хорошо некоторые вопросы. Но интересовалась анкетой она чисто умозрительно, не будучи гражданкой Франции.

– ...То есть он дал возможность стать матерями... или матерьями...? – неуверенно и вообще не похоже на себя пробормотал Мишаня, – трем женщинам, в том числе моей маме тоже. Он нас, детей, иногда собирает у себя дома. Мы его просто обожаем. Он умница.

– А с кем он живет?

– Он ни с кем из женщин никогда в одной квартире не жил. Они его начинают очень быстро раздражать. Он говорит, что брак с точки зрения неврологии порой может быть очень вреден для нервной системы.

– Да, понятно, Мишаня. Как говорил апостол Павел в послании... послании не помню кому, много скорбей будете иметь по плоти, если женитесь. Это, кажется, из беседы с фарисеями. И он им там в этой беседе говорит, что лучше не женитесь, – неуверенно вставила свое слово Ольга Васильна, начав заикаться. На тему православного брака Мишаню еще кое-кто просвещал, в том числе и дед его Гриша тоже, но Мишаня эти уроки не очень хорошо усваивал, ибо, став студентом, стал смело посещать курсы сайентологии, хотя там не секта была, а курсы по адекватным способам зарабатывать деньги. Туда приходило много дистрибьюторов биодобавок. Заслушав курс и вооружившись кучей методических схем, Мишаня довольно быстро был возведен в сан вольного священника-сайентолога. По-своему тоже христианина, но крайне далекого от православия. И вроде бы частично запрещенного.

– А нам папа никогда не читает нотации, за что мы его особенно любим, – продолжая смотреть на Ольгу Васильну восторженными глазами, вспомнил Мишаня. Ольга распахнула пошире дверь-окно, чтобы хорошенько проветрить Мишане комнату перед сном. Бедный вьюноша! Ольга вдруг увидела другого Мишаню, не похожего на прежнего, на того, за кого хотела выдать свою Катюшу. Ему будет сложно найти себе пару. Он представления не имеет, что такое быть отцом. Это ведь не приглашать к себе домой по праздникам своих внебрачных детей. Глядишь, еще и венцом безбрачия наградили его разгульные предки.

– Ольга Васильна, а почему вы отказываетесь от массажа? Я знаю и тайский, и шиатсу. Напрасно вы. От студентов мединститута всегда можно чему-то научиться, а вы игнорируете столь ценный опыт, – слабым, словно не своим, вкрадчивым голосом пробормотал Мишаня. Поздно-то как! Куда он клонит? Ольга Васильна никогда не могла понять, что нужно тому или иному конкретному пацану, начиная с собственного сына, а этот Мишаня уж слишком своеобразный. Да нет, даже еще раньше не могла понять, начиная с жениха по имени Алик. Самое милое дело в таком случае – притвориться шлангом, как в мультике. Удав в форме шланга, который ничего не слышит. Никакого тебе массажа, Мишаня. Я не люблю обнаженку. Да и поздно уже. Второй час ночи, в это время здоровые мысли в голову не приходят.

– А какой вопрос вы еще хотели задать мне, Ольга Васильна? – вдруг слегка приободрился Мишаня.

– Спокойной ночи, малыши! Утро вечера мудренее. Вот вам на ночь книга Егора Залеткина «Ванька Жуков в деревне у дедушки». Завтра он мне подпишет, надо только подойти, хорошо, что я заранее ее закупила. Но долго не читайте, ночью надо спать.

– Да, спасибо, – опять упавшим голосом сказал Миша. – Помните, вы на собрании в клубе шутили, что страстные книгочеи никогда не бывают одиноки в постели.

– Не только в постели, но и по жизни вообще. Потому что ужас нашего существования состоит в том, что мы одиноки. Всегда и везде. В браке. Вне брака. На войне. В мирной жизни. Но если у тебя есть хорошая книга, то ты уже вроде как и не одинок. «Вы хотите попрощаться с друзьями? – спросили у Пушкина в последний день его жизни. – Вот мои друзья, – показал Пушкин на книжную полку». – Так Ольга Васильна вслух готовилась к следующему заседанию литературного клуба. Но поскольку она уже поднялась на второй этаж, то Мишаня вряд ли ее слушал. Ее никогда не слушали. Хотя Мишаня – это, все-таки, приятное исключение. Сам же он долго не мог уснуть, как часто бывает не в своей постели, и полночи подряд читал книгу Залеткина, которая у него все больше и больше вызывала щенячий восторг. Почему-то он даже не испытывал особой боли от того, что вождя Вани Жукова партии держали в тюрьме, а тем временем его боевая подруга Зоя была близка с Ваней, сцены любви были поданы очень подробно, даже слишком. Ольга Васильна на ходу бросила: какая это любовь! Но ее поколение ничего в этой сфере не понимало, они росли и жили без секса. В СССР секса не было. Ольга Васильна обещала рассказать Мишане про развал СССР, когда он спросил ее об этом по телефону, сидя в одиночестве в своей каморке в лагере. Она сказала, что разговор не телефонный и при встрече она ему расскажет. Может быть, если бы Мишаня читал эту книгу не вторых и днем, измена Зои вызвала бы у него сладкую боль воспоминания. Хотя Ваньке он тоже сочувствовал. Сладкую боль он чувствовал, потому что его первая любовь в Томске постоянно ему изменяла и даже сейчас собиралась за другого замуж, хотя последние полгода намекала Мишане, что если он вернется в Томск, она ждет предложения от него. Они учились вместе с пятого класса и в последнем классе стали близки. Восторгов была бездна, но и окружающих партнеров тоже хотелось перепробовать. Сначала начала изменять она, потом довольно быстро Мишаня. «Горечь, горечь, вечный привкус на губах твоих, о страсть, горечь, горечь... вечный искус окончательнее пасть», – как писала Марина Цветаева. После каждого все более окончательного падения они все-таки встречались, и их снова влекло друг к другу неудержимо. Почему на клубе у Ольги Васильны какой-то француз прочитал из Стендаля про то, что чем больше в любви физического наслаждения, тем больше в ней неверности? И кто такой вообще Стендаль? Как и когда он жил, в какие времена? Был ли счастлив? Вряд ли, впрочем, иначе не пошел бы в писатели.

Утром встали рано, чтобы не опоздать. С Катей и Мариной по телефону договорились встретиться в летнем павильоне, где будет первая встреча с писателями. Ольга Васильна загремела кастрюльками.

– Я с утра практически не ем! – запротестовал Мишаня.

– Но вы же голодаете в своем лагере! Вам же по норме положено всего 2 яйца в неделю, вы мне сами рассказывали. И 3 багета хлеба.

– Спасибо, Ольга Васильна. Не хлебом единым... Ладно, из ваших рук приму даже яд, – голосом рано состарившегося подростка пробормотал Мишаня. – А какой вопрос вы хотели задать мне вчера, Ольга Васильна?

– Вопрос состоит в следующем. Я подозреваю, что моя Катерина слишком привязана к Вике. В этом есть нечто ненормальное. Я их даже один раз в этой ванне вдвоем застала у нас. Лежали в пене и плескались. А вдруг это не та ориентация? – сказала Ольга, параллельно ощущая надежду: «Сейчас скажет: ничего такого я не заметил, бросьте вы».

– Ольга Васильна! Да в этом возрасте они все через подобные вещи проходят. Для них это способ выразить свою нежность, которая их просто душит. Ведь не с кроликом же в ванной

барахтаться. Способ обрести близость с другом или подружкой, какая разница, зато детей от таких нежностей не будет, это безопасный секс, – приободрившимся голосом адвоката всех голубых всего мира сказал Мишаня.

Хоть сейчас на площадь и с микрофоном. Все! Пора закрывать вопрос. Я уже получила всю исчерпывающую информацию. Человек видит то, что есть в нем самом. Если в нем нет маниакально-депрессивного психоза, то он его и не увидит, будь он хоть трижды отличник мединститута. А голубое-розовое – это в нем есть. На нашем семейном портативном компьютере вчера вечером он оставил – случайно или намеренно – свою страничку из «вконтакте.ру». Там разные парнишки поздравляли его с днем рождения незамысловатыми картинками с неразборчивыми рисованными буквами. Ну, например, такими: «Мишаня, поздравляю тебя! Желаю тебе всего». А можно было бы понять «желаю тебя всего». Иногда эту картинку использовали и девушки. Беда с этой молодежью. Беда с этими виртуальными мирами. Какая-то новая человеческая порода выводится. Я иногда это и в своих студентах замечала, но как-то слабо-отстраненно. Ради Бога, если это не касается твоего ребенка. Но ведь и ребенок – тоже гость в твоём доме. Почти как Мишаня. Вот в наше время... Да я уже уподобляюсь своей покойной бабушке. Мы дак в наше время... «Только не делай вид, что вы к этому непотребству не имеете никакого отношения, что вы вроде бы вообще не при чем!», – вдруг Ольга вспомнила, как судит ее страшным судом ее старший сын Игорь в каждый ее приезд в Москву. Первый раз он эту фразу произнес, когда был совсем клопиком, лет эдак в двенадцать.

А чего еще можно было бы ждать? Авторитет семьи на нуле. То есть, семьи как бы вообще нет. Гетеросексуальные отношения предстают вообще не в лучшем свете. Поединок роковой между влюбленными, между супругами и между родителями. Один обязательно поступает перпендикулярно другому. Начинается, видимо, с отцов типа Алика. Некоторые мамы тоже типа Алика, свекровь-то уж точно такая. У Тургенева тоже мать была жесткая и властная. Она с малых лет приучила будущего нежного поэта к жестоким страданиям, к тому, чтобы «несвободно дышать рядом с ней». Впоследствии он, пускай превратившись в человека сложного, нерешительного и мягкотелого, сам не способен был никого угнетать, и слава Богу. Потому что творческие люди могут быть порой настоящими бурбонами. А тут напротив, под влиянием «Записок охотника» царь Александр Второй отменил крепостное право. Часто же из такого мальчика выходит мелкий, но тяжелый деспот. Конечно, многое зависит тут от отца, то есть от наследственности. И может получиться совсем другая семья, и получается же. Мама еще только открыла рот, а уже готово возражение папы. Мама, подчиняйся, как последний раб. Но подчинение всю жизнь, уступки всегда в одну сторону немыслимы! У мамы будет депрессия, всегда астеническое выражение лица. А если побороться, начать качать права? Чем раньше, тем лучше. Но ведь это будут не любовные отношения, а манипуляция. Весь мир манипулирует. «Весь мир театр, и люди в нем актеры», как говаривал Шекспир. И вечный бой, покой нам только снится, но это – бой, в котором нет победителей. Вообще, ни в каком бою нет победителей.

Ольга Васильна, так сумбурно размышляя, шептала только отдельные слова, как датчик случайных чисел. Когда ехали в трамвае, Мишаня все прекрасно слышал, и ему даже импонировала такая манера общаться. Немножко похоже разговаривал дед Гриша, и ему остро захотелось в Питер, поговорить «с одним очень умным человеком», как дед признавался, если его спрашивали, с кем это он так шепотом разговаривает. Глядя на Ольгу Васильну, Мишаня робко улыбался и кокетливо играл глазами, как часто делают мальчики, воспитанные мамами-одиночками.

* * *

Мишаня рос не по годам, опережая интеллектом сверстников. В 4 года он бегло читал, в 15 лет, прыгая через классы, окончил школу и поступил в Томский мединститут, затем чуть позже учился 4 года одновременно в 2 вузах. Вторым был Томский юридический, второе высшее. Оба закончил с отличием. Мама так и осталась медсестрой, но всегда была пусть и на маленькой, но руководящей работе: то старшая медсестра, то зав регистратурой. Была активистом разных избирательных штабов, увлекалась учением «Живая вода» под руководством крупного отставного военного генерала Смирнова.

Когда Мишане было 10 лет, мама тяжело заболела, поставили диагноз хуже не придумаешь. Она металась от боли по всей квартире, словесно кусала, как тигрица, свою подругу Римму и даже иногда Мишу, хотя потом слезно просила у них прощения. Иногда среди ночи кричала: «Вадик! Он зовет меня!» Тетя Римма вызывала по телефону какого-то дядю Вадима, который приходил не сразу, а потом долго разговаривал с Риммой в коридоре о каких-то денежных суммах. А мать лежала, отвернувшись к стенке и не контактируя с этим Вадимом, словно не звала его. Потом он вообще перестал приходить к ним домой. Только через 9 лет, побывав неожиданно у этого дяди Вадима на практике по неврологии, Мишаня угадал, что этот седой, неказистый с виду и нервный профессор – его отец. Его сердце бешено забилося и стало наполняться незнакомыми, совсем новыми ощущениями. Как любовь с первого взгляда. Мама говорила Мишане, что когда он родился, она в него так влюбилась, что это было похоже на первую любовь, на то, что нападает «бешено как электричка». А теперь эта бешеная электричка напала на него. В 20 лет, почти в возрасте мамы, когда она родила Мишаню. И любовь была направлена снизу вверх, а не сверху вниз. Во всяком случае, это уже был возраст родителя, а не новорожденного. Мишаня решил «подколоть» маму и назвал Вадима уродом с несносным характером. По тому, как мама начала его защищать, Мишаня угадал, что это действительно его отец. Мать утвердительно высказалась по теме всего двумя словами, попросив больше к ней не возвращаться. Но Мишаня стал изредка бывать у Вадима дома, не на шутку к нему привязавшись, и получил даже возможность поступить в юридический, потому что Вадим предложил оплачивать ему обучение. Он в свое время тоже почему-то хотел учиться на юридическом или на экономическом одновременно с медицинским, но тогда в СССР это нельзя было. Вообще многое было нельзя, сплошные запреты, бросил на ходу отец.

И вообще тогда, давно, когда мама заболела, денег на ее лечение все-таки не хватало и мамина подруга тетя Римма говорила ей (Мишаня случайно услышал): «То, что гарантирует Вадим, недостаточно. А между прочим, я по своим каналам знаю, что у тебя существует отец, который в бытность твою совсем маленькой отсидел 2 года как диссидент. Я даже знаю, как его найти. Может быть, он теперь при деньгах, ведь многие диссиденты вовремя перекрасились в демократов и теперь распиливают страну по кусочкам. А если даже ему в этом плане не повезло, все равно прижмем его к стенке, ведь он твой отец. Достанет деньги хоть из-под земли, как миленький! Верь мне, Татьяна, я людей вообще не глядя интуичу, мне кажется, что мы возьмем его за жабры».

В течение месяца Римма выполнила свое обещание, и в больничной палате появился высокий солидный еврей Григорий Исаакович с окладистой помпезной бородой. Он был одет в старый джинсовый костюм кооперативного индпошива со множеством карманов. КарманОв, как слышалось Мишане. В карманАх действительно были спрятаны деньги. «Танюша, – припал он к маминой руке, когда ее везли на каталке в больничном коридоре на очередную порцию рентгеновского облучения. – Я буду молиться за тебя, дочь». «Брянский волк тебе дочь», – беззлобно прошептала про себя Таня. А отца насмешливо спросила:

– И какому богу будете молиться, таки я интересуюсь знать?

– Господу нашему Иисусу Христу. Во единой Троице славимому. Я православный, Танюша. Я крестился 4 года назад. Скоро меня поставят директором православной школы в Питере. А что ты хочешь, евреи оптимисты. Это вы, русские, не можете адекватно распорядиться данным вам историческим наследием, верой предков. Православие вас разделило, а не соединило.

– Вас-нас! Вас-нас! Именно разделили вас и нас! И все разделило, все, вообще! Я прошу вас за меня не молиться, Григорий Исаакович! – сурово и недобро ответила Таня, встретившись потом с ним взглядом в палате. Ее сознание не принимало понятие «отец» и того, что она наполовину еврейка. И того, что у нее злокачественный процесс в организме. Генерал Смирнов издавал на серой бумаге теоретические брошюры, где подробно осуждалось как православие, так и иудаизм. Приводилось множество аргументов против. Сам Смирнов тяготел к суфизму. На тему суфизм брошюры выпускались пачками. Суфиями интересовался вроде бы даже Достоевский. Ну, так сам же Достоевский говорил, что слишком широк русский человек, хорошо бы его сузить. Григорий Исаакович был в этом смысле все-таки не совсем русским человеком – он мог и сужаться при желании:

– Хорошо, детка моя. Молитва – это не только коллективное, но и личное, интимное дело каждого верующего. Вместо молитвы буду тут в коридоре заниматься самосовершенствованием. Кроме молитвослова, я взял еще учебники английского и русской литературы.

– Зачем это вам?

– Для самосовершенствования, я же тебе сказал. Слушайся папу. В лихую годину нельзя опускаться. Главное – это адекватная, а не пониженная самооценка. Еврей должен быть уверен в себе. А вы, русские, склонны к самоуничтожению. Или к непомерной гордыне, что подчас равнозначно.

– Да вы же, евреи, сами до этого довели русский народ! Вы своей советской культурой, куда вы присосались по полной программе, то превозносили его до небес, при этом сажая в ГУЛАГ... То потом вы ему внушали пониженную самооценку.

– Танюша, ну что ты несешь, деточка! Я лично не делал ни того, ни другого.

– Ты лично, Григорий Исаакович, может и не делал, хотя я тебе не верю ни на грош. А ваши сатирики, Аркадий Райкин, например, кто там еще...

– Танюша, не разменивайся на мелочи! Тебе предстоит серьезнейшая операция, – спокойно сказал отец и перекрестил ее трижды.

Таня захотела оттолкнуть его руку, но у нее не было сил. Операцию она перенесла очень плохо, мучилась потом осложнениями несколько лет, но основную проблему решила. Она выжила, стала снова работать на руководящей работе, подняла на ноги Мишаню. Григорий Исаакович тогда вывернул все свои карманы, встречаясь с Вадимом и Риммой, и лечение было оплачено. Тем более медикам тогда все делалось с небольшой скидкой. По некоторым сведениям, в своем Питере деда Гриша существовал очень скромно, даже бедно, ну православному так и положено. Тем более если 90 % населения России именно так и жило в 1993 г. Хотя православных было гораздо меньше. Православие – это не для всех, в отличие от католицизма, быть по-настоящему православными способны только очень сильные духом люди, учил Мишаню дед Гриша.

«Как же быть, если настоящих православных в стране меньшинство, да и всегда в истории, не только сейчас, если эта вера для меньшинства? Как меньшинство должно взаимодействовать с большинством?», – размышлял Мишаня уже во Франции в своей каморке в лагере. Хорошо, что он был один и мог уединенно размышлять над теми вечнозелеными российскими вопросами. В чем-то и французскими, потому что, как Мишаня выяснил случайно именно здесь, во Франции, антиклерикал Вольтер не мог допустить и мысли, что общество может состоять из одних атеистов. Оно превратилось бы в нечто совсем ужасное. Вечнозеленый классический вопрос – именно вот этот – церковь или Бог? И еще – православие или католицизм?

ство? Если бы не дед, Мишаня остался бы сайентологом-протестантом, но дед лишь заронил в Мишаню сомнения... Он будто бы ничего не завершил в Мишаниной жизни, только ронял семена. И где и когда он уронил семя и родилась Мишанина мама? Почему он исчез и не был ей настоящим отцом? На эту тему никто ничего не рассказывал, даже если Мишаня спрашивал. Порвалась связь времен, как в «Гамлете»...

Уезжая тогда из Томска после маминой операции, дед понял, что близкого общения с Таней уже никогда у него не будет. Несмотря на собранные средства. Дед любил так шутливо ставить ударения. И он тогда сам с собой разговаривал (как с самым умным человеком): «Кто тебе, Гриша, виноват, только ты сам себе и виноват». Потом он снова приехал в Томск, уже летом, и забрал Мишаню в Питер на каникулы. Он показывал ему Эрмитаж, мосты, белые ночи и свой дачный домик-скворечник под Ломоносовым. В скворечнике всегда сидела за пишущей машинкой важная птица – Раиса Ивановна, супруга Григория Исааковича. Хозяйством заниматься она не любила, но была все равно очень приветливая. На хозяйстве был дед Гриша, к которому Мишаня безумно привязался. Дед Гришаня был простым учителем истории и обществоведения (директором православной школы его так и не сделали, но он еще надеялся), а Раиса Ивановна была кандидатом педагогических наук и писала докторскую. Он бы привязался к ней тоже по полной программе, но что-то стояло между ними тремя и мешало им наслаждаться обществом друг друга. Возможно, это был эмигрантский вопрос. Вернувшись с каникул, Мишаня на уроке по православной культуре (ее тогда только ввели у них в школе) сразу похвастался, что он принадлежит к богоизбранному народу. После чего его зверски избили в подворотне его же одноклассники, за то, что он вместе со своим богоизбранным народом участвовал в распятии Христа. Ему даже пришлось полежать в больнице. Папа (тогда еще просто дядя Вадим) оформил в больнице справку о нанесенных Мишане повреждениях и бережно хранил ее много лет до отъезда Мишани во Францию, а перед самым его отъездом вручил вместе с нотариально заверенным переводом на французский. «Второе основание для политического беженца», – бросил он на ходу. Первым была принадлежность Мишане к СПС, куда отец усиленно рекомендовал Мишане войти. К политике никакой страсти и склонности у Мишани отнюдь не было, но он был послушный сын... Кое-какие поручения в СПС он выполнял, особенно охотно, конечно, насчет отмены обязательной службы в армии. Сбор подписей... Правда, в Томске избиений по этой причине у Мишани не было, но отец сказал, что не все надо доказывать. Просто расскажи, и все. Французы поверят на слово. А вот после того избиения дальше православным Мишаня быть не захотел, хотя дед Гриша в следующий летний приезд на том мягко настаивал и часто возил его на своем полуразбитом «Запорожце» в тихую, расположенную в деревне под Ломоносовым древнюю деревянную церковку, где шли каждый день службы с великолепными хорами и куда раньше ходили причащаться многие великие люди, например, Чайковский и вроде бы Хомяков и даже Гоголь. Хотя это запросто могли быть легенды, коих много слышно по питерской земле и окрестностям. «Понтий Пилат сказал иудеям, – присев на лавочке у церкви, вдруг стал рассказывать дед, то ли сам себе, то ли Мишане, – что он неповинен в пролитии крови этого праведника и смотрите теперь вы, а я умываю руки. Отвечая ему, весь народ еврейский в один голос сказал: распни его. И еще что пусть кровь его будет на нас и на детях наших. То есть они согласились нести ответственность».

– Это только на их детях ответственность или вообще на всем последующем потомстве? – спросил его Мишаня, хотя про то избиение не рассказывал, истово желая его поскорее забыть.

– В христианском смысле дети – это все потомство. Сколько поколений бы потом ни было. Поэтому евреям особенно важно быть православными. И молиться за упокоение предков. Но опять же тебе говорю – это путь немногих! В любой нации настоящих православных вообще мало. Греки вон тоже... Вроде не чета русским, православная нация. Почти в каждом селе по 10 церквей. Но это просто сельские клубы для мирского общения. А все нации должны канонически – повторяю – канонически неустанно молиться о помиловании своих предков.

Ведь предки натворили же делов! – И дедушка делал страшные глаза, как это делают воспитатели с маленькими детьми, уча их осторожности. – Но именно молиться, а не осуждать их. Осуждать проще всего. Но тогда ты мертв, а не жив».

Изнурительно светило яркое июльское солнце. Мишаня случайно увидел свое необычайно рыжее отражение в окне сторожки напротив. Эти отраженные лучи ослепляли и возбуждали его. И тогда еще, в 13 лет, болезнь роста была в полном разгаре. Хотя потом кончилась раньше, чем у других мальчиков.

– Я не хочу быть таким рыжим! – вдруг закричал он. – Я не хочу быть православным, я не хочу быть евреем!

– Шахновский! Довел малыша! Вечно ты со своими занудствами! Не мучай мальчика! – быстро выбежала из церкви Раиса Ивановна. Она была в брюках и без косынки и заходила в церковь исключительно как иностранный турист. И добавила загадочную фразу. – А вообще-то евреем, Мишка, оставайся. Пригодится потом, чтобы свалить из этой страны. Даже если ты на одну четвертую... Израиль признает...

Эта милейшая пара ставших родными старичков вообще периодически бросала на ходу загадочные фразы.

– Царство небесное нудится, поэтому и я для вас нудный. А родина нам предопределена Отцом небесным, – произносил очередные фразы дед. Но Мишаня на всю жизнь запомнил все эти загадочные и в тоже время дежурно-будничные, действительно немного нудные и прозаические слова, даже буквально. И через 12 лет, уже будучи во Франции в этом неуютном лагере для беженцев, он каждый день вспоминал споры деда Гриши со своей половиной. Дело в том, что она усиленно звала его в Германию или Израиль, настаивала на том, чтобы он поскорее со своей пятой графой «слазил куда надо и получил вызов».

– Нет, Раечка, – устало возражал дед. – Я из России никуда. Страна наша. Удивляюсь тебе: ты, простая русская женщина, а так рвешься за бугор. Что ты там потеряла?

– Не такая уж и простая. Израиль... да, это – неоднозначно, – притворяясь шлангом, развивала тему Раиса. – Там воюют, могут убить, арабы и евреи этнически несовместимы. Но ведь есть же на худой конец Германия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.